

Л. В. Педченко

Концепт ГОСТЬ в русской языковой картине мира

В современной лингвокультурологии (и шире – в работах, посвященных проблемам изучения языка как формы отражения действительности) активно используется понятие «языковая картина мира», применяемое для истолкования языкового материала как репрезентанта тех или иных конкретно-чувственных представлений носителя языка о действительности. Образность данного термина делает его весьма удобным для обо-

значения внеязыковой информации, полученной из языковых фактов. Исследование языковой картины мира в современной лингвистике идет в двух направлениях: 1. Исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, своего рода лингвокультурные изоглоссы и пучки изоглосс. Это прежде всего «стереотипы» языкового и более широкого культурного сознания.

2. Ведется поиск и реконструкция присущего хотя и «наивного», донаучного взгляда на мир. Развивая метафору лингвистической географии, можно было бы сказать, что исследуются не отдельные изоглоссы или пучки изоглосс, а диалект в целом [2:38].

Целью данной статьи является исследование лингвистической репрезентации концепта ГОСТЬ как одного из значимых фрагментов русской языковой картины мира.

Лексема *гость* в современном русском языке имеет значения ‘тот, кто посещает, навещает кого-н.’, ‘постороннее лицо, приглашенное присутствовать на собрании, заседании’ [14:127]. В словаре В.И. Даля представлена более широкая семантика данного слова: «посетитель, человек, пришедший по зову или незванный, навещать другого, ради пира, досуга, беседы // иноземный или иногородный купец, живущий и торгующий не там, где приписан. // *Гостями* зовут, ради шутки или вежливости, недобрых людей, незваных посетителей, воров, особенно грабителей по Волге. // Всякий посетитель гостиницы или подобного заведения» [7:II, 386]. В говорах русского языка отмечаются и другие значения слова *гость*: 1. «Гостями собственно называются родные, посещающие родных же в праздники. Обычное явление, что по праздникам родственники «отхаживаются» между собою. У одних родственников установлены свои праздники, у других свои. Преимущественно это храмовые приходские праздники. Званные гости бывают только на свадьбу, да еще молодых зазывают в первую масляницу» *Вят.*, 1907; *Гости* ‘семья, дом, где хорошо принимают, угощают’ *Курск.*, 1959; 2. *Гости* ‘участники свадебного поезда’ *Перм., Арх., Олон., Волог.*; 3. *Госы* ‘время, обычно зимой, когда парни приглашают из других деревень родных и знакомых девушек в гости и устраивают для них вечеринки и гулянья, происходящие в это время’ *Онеж. КАССР*, 1931; 4. *Ветренный гость* а) ‘гость, приехавший морем, морским путем’ *Беломор.*, 1929 б) ‘рыбак-помор, возвращающийся с морских промыслов (с берегов Мурмана и Новой Земли)’ *Беломор.*, 1929; 5. ‘вор’ *Перм.*; 6. ‘крыса’ *Урал.*, 1958 [15:95–96].

В древнерусском языке (с XI в.) лексема *гость* имела значения ‘гость’, ‘чужеземец’, ‘иноземный, приезжий купец’, ‘(вообще) купец’ [16:I, 569–570]. Семантика ее дериватов была мотивирована данными значениями: *гостинь*, *гости(нь)ныи* (прилагательное к *гость* – ‘купец’); *гостити* – 1) ‘угощать’; ‘почитать’; 2) ‘торговать’ [16:I:567–570].

языку цельного,

Древнерусское слово восходит к общеславянскому **gostь* (<и.-е. *ghostis*), ср. гот. *gasts* ‘чужеземец’, ‘гость’, др.-в.-нем. *gast* ‘гость’ (совр. нем. *Gast* ‘гость’, ‘гостыя’), др.-исл. *gestr* (совр. исл. *gestur* – ‘т.ж.’); латин. *hostis* ‘враг’ (первоначально – ‘чужой человек’, ‘чужестранец’). По мнению П.Я. Черных, старшее значение – ‘чужестранец’, отсюда и ‘гость’, и ‘купец’ (на русской почве), и ‘враг’ (на латинской) [18:I,210]. О.Н. Трубачев, признавая, что дальнейшая этимология и.-е. **ghost(i)s* проблематична, не соглашается с мнением Вальде о том, что «дальнейший анализ и.-е. **ghostis* – праздное занятие». «Производная, вторичная природа слова видна из его ареального характера (италийск., герм., слав.) и из формальных данных: так, допустимо предполагать здесь *-t-* суффиксальное, производное **ghos-t-* от **ghos-* ‘поедать’, ср. др.-инд. *ghásati*. Эта в общем старая этимология подкрепляется некоторыми дополнительными сравнениями в связи с наблюдениями над возникновением и эволюцией ритуалов гостеприимства и потчевания гостя при этом» [19:67–68].

Гость в русской народной традиции – это лицо, соединяющее сферы «своего» и «чужого», объект сакрализации и почитания, представитель «иног» мира. Показательны в этом плане приводимые В.И. Далем пословицы-приметы, предсказывающие появление гостя: *Погасил невзначай свечу – жди гостей. Дрова в печи развалились – к гостям. Уголь из печи упал – гости на двор. Огонь в печи погас – нечаянный гость. Головня на шесток упала – нечаянный гость* [6:II:232]. Огонь в печи, очаг, свеча, как известно, в народной традиции символизируют «свое» пространство, дом в широком смысле. Поэтому угасание, разрушение огня может указывать на нарушение целостности «своего» мира, на появление «чужого», возможно, враждебного.

Гость воспринимается как носитель судьбы, лицо, могущее повлиять на все сферы человеческой жизни. Гость приносит в дом добрую волю, выражаемую в произносимых им благопожеланиях, формулах благодарности, приветствиях и застольных тостах, а также подарки. Хозяин же, в свою очередь, стремится как можно лучше принять гостя, надеясь путем символического договора с высшими силами, представителем которых является гость, обеспечить свое будущее. Хозяин предлагает гостю ночлег, угощение, отводит ему самое почетное место за столом [1:532].

По-видимому, решающим признаком человеческого гостеприимства являются ритуалы приема и проводов, то есть отмеченные моменты в течении времени, когда драматически разыгрывается и временно нейтрализуется основополагающая оппозиция «свое / чужое»: в ходе этих ритуалов гость становится «своим чужим», «осваивается» или «присваивается» хозяевами (Ср.: *Кто сидел на печи, тот уже не гость, а свой. Это домашний (свой, затечный) гость*). Такими ритуалами, по природе своей парными, ритмически членился непрерывное течение жизни; ритм их чередования может быть независимым, а может сплетаться с ритмом других календарных обрядов: как известно, праздники составляют традиционный повод для посещения чужих мест и их обитателей [10].

Превращение «чужого» в «гостя» связано с ритуализованными формами обмена, включающими пиры, угощения, чествования. В этом плане показательно, что семантика значительной группы слов с корнем *гость*-связана с мотивом угощения, пирования: *гостилице* 'пирушка, пребывание в гостях', *гостимище* 'то же' *Олон.*, 1892; *гостибище* 'то же' *Олон.*, *Петерб.* [15:92]; *гостить* 'угощать' *Курск.*, *Смол.*, *Олон.* [15:95]; *гостьба* 'пир, пирушка, угощение, пребывание в гостях, участие в пире, пирушке' *Яросл.*, *Арх.*, *Новг.*, *Перм.*, *Волог.*, *Вят.*, *Костром.*, *Влад.* [15:96–97] и т.п. Не случайно синонимом слова *гостеприимство* в русском языке является лексема *хлебосольство*. О значимости угощения, кормления в процессе принятия гостей свидетельствуют и многочисленные русские пословицы: *Принес бог гостя, дал хозяину пир. В поле враг, дома гость: садись под святые, починай ендову. Не спрашивают: чей, да кто и откуда, а садись обедать. Наперед накорми, а там уж поспроси* (об обычае не расспрашивать гостя, ни даже об имени его, не накормив и упокоив). *Напои, накорми, а после вестей поспроси. Гостям стол, а коням столб (для привязи). Замест хозяина – баранина, замест хозяйки – сайки. Китите щи, чтоб гости шли. Всем подноси, никого не обноси; доброму на добро, худому для худа* [6:II,232–240] и мн. др.

Роли хозяина и гостя строго регламентированы. Хозяин ведет себя активно, встречая, принимая, провожая гостя: *Для доброго гостя и хозяин поживится (добудет то, чего нет). Для милых гостей поломать костей.* Гость же достаточно пассивен: фактически он становится заложником этикетных требований, которым вынужден подчиниться.

В частности, гость не может отказаться от предложенного ему угощения, так как это не только будет воспринято хозяевами как оскорбление, но и может привести к негативным последствиям для хозяйства, а также обернуться несчастьями (главным образом болезнями) для самого гостя [1:532.] (ср.: *Гость во власти хозяина. В гостях, что в неволе. У себя как хочешь, а в гостях как велят. Гость хозяину не указчик. В чужом доме не осуждай! Что поставили, то и кушай, а хозяина в доме слушай! Поднесли, так пей. Ешь, что дают. Ешь – не кроши, а съешь – не проси* [6:II:235]).

Размышляя о хозяине и его функциях в восточнославянской традиции, Е.Е. Левкиевская отмечает, что тюркское заимствование *хозяин* вытеснило из русского языка исконного *господаря*, заботливо сохраненного остальными славянскими языками. Существовало это слово и в древнерусском языке: *господарь* 'господин, хозяин', 'государь'. По-видимому, искать первоначальные истоки ритуальных и магических функций восточнославянского хозяина имеет смысл в этимологии общеславянского слова *господарь*. Лексема *господарь*, будучи производной от существительного *господа* (ср., др.-рус. *господа* 'дом, хозяйство') через него восходит к праслав. **gospody* / **gospodin*, которое в славянских языках получило два основных значения – социально-юридическое и сакральное: 'господин, повелитель' и 'Господь Бог'. Праславянская лексема **gospody* < **gost-pod-* представляет собой сложение двух и.-е. основ: **gost-* (откуда, в частности, рус. *гость*) и **pot-* со значением власти, обладания, владения, потенции [19:61–62]. Праслав. **gospody* родственно лат. *hospes* 'хозяин', произошедшего от тех же основ, и может быть истолковано как 'господин гостей', т.е. 'тот, кто способен дать прибежище гостям в своем доме, предоставить кров гостю, оказать гостеприимство'. Таким образом, становится ясно, что первоначальная семантика славянского хозяина-господаря была связана с ритуалом гостеприимства, а это делает первичной доминантой образа не прагматические, хозяйственные, а ритуальные функции [12].

Идеологический фон гостеприимства, по мнению А.К. Байбурина и А.Л. Топоркова, составляет так называемая теофания – мифологическое представление о том, что Бог в человеческом образе ходит по земле (ср.: *Гость в дом, а Бог в доме*) [6:II,233]. Каждый знакомый и тем более незнакомый посетитель мог оказаться посланником Бога или

самим Богом, принявшим человеческий облик. В русском фольклоре весьма распространены легенды о том, как Христос ходил по земле: *Давно было – странствовал по земле Христос с двенадцатью апостолами. Шли они раз как бы простые люди, и признать нельзя было, что это Христос и апостолы. Вот пришли они в деревню и попросились на ночлег к богатому мужику...* [13:34–35]; *Раз как-то принял на себя Христос вид старичка-нищего и шел через деревню с двумя апостолами...* [13:31]. Мотив Бога-гостя, отмеченный в древнейших текстах, восходит, по видимому, к общеиндоевропейской эпохе [3:122]. *Гость* в наиболее архаических греческих и ведийских текстах наделен божественными атрибутами; общим оказывается мотив бога-гостя (иногда вовремя неузнанного). Этот же мотив установлен и в южнославянской фольклорной традиции, сохранившей столько общеславянских архаизмов. Сквозь иногда христианизированное обличье соответствующих рассказов о неузнанном божестве-госте отчетливо проступает более древний мотив, общий для гомеровской и ведийской традиции [11:305–306].

Образы Бога, его посланников или спутников могли в определенных условиях принимать и участники ритуала – ритуальные гости. Так, иногда *гостями* называются колядники. В восточно- и западнославянских песнях, сопровождающих колядование, популярен мотив «встречи гостей». Согласно песенным текстам, помимо самих колядников, в гости к хозяевам дома приходят Господь, Божья мать, святые, ангелы, зимние праздники (Рождество, Новый год, Крещение), а также солнце, месяц и дождь. При этом следует обратить внимание на то, что важнейшим элементом в обряде колядования является угощение колядовщиков, которые, по-видимому, символически изображали умерших родственников, приходящих в гости с того света [4:147].

Ритуал гостеприимства представляет собой очень удобную и продуктивную модель, позволяющую строить взаимоотношения с самыми разными представителями «иного мира», не только сакральными, мифическими, такими как Бог и духи предков, но и вполне реальными, например, с болезнями, которые мыслились как антропоморфные существа [3:124].

Семантика «гостевания» нередко встречается в умиловительных табуистических

обозначениях болезней: *олонецк., пермск. гостья, Гостья Ивановна* ‘оспа’, *олонецк. гостьица* ‘оспа’, *вологод., олонецк., пермск. гостья* ‘лихорадка’, *вологод. гостейка* ‘лихорадка’, *северодвин госьи* ‘галлюцинации’ [15:91,96–98]; *гостец* ‘колтун’, *укр. гостець* ‘то же’ [17:1, 447], *гостья* ‘тиф’ [17:1,448], *укр. диал. гостець, гість, гостин, гостинця, гостьовий* ‘хронический ревматизм в суставах’, *гості* ‘менструация’ [5:1,318; 8:184, 188; 19:69], *чешск. hustec* ‘ревматизм’, *диал. hostec* ‘ревматизм’, ‘сыпь’, ‘перхоть (в голове)’, *словацк. диал. host'ec* ‘лишай’, *hoscec* ‘ревматизм’. Коль скоро гость – это персонаж, воплощающий контакт двух противопоставленных пространственных и социальных зон «своего» и «чужого», в наименовании болезней, особенно эпидемических, *гостем/ гостией* обнаруживается их осознаваемая иномирность, чужеприродность и осторожно подчеркивается их нежелательность, временность присутствия «здесь», в «своем» (т.е. «нашем») локусе. Поздние названия болезней также используют ономастическую отсылку к представлению об их чуждом происхождении, ср. *французская болезнь* «сифилис», *испанка, гонконгский грипп* и под. Название болезней *гости* и т.п. органично совмещается с глаголом *ходить* «распространяться (об эпидемической болезни)», ср. *нынче грипп ходит* и под., *русск. пошесть*, *польск. posześć* ‘эпидемия’ – от **poxoditi*, **šyd* [9:399–400].

Рассмотренные языковые и этнолингвистические данные позволяют сделать вывод о том, что семантической доминантой концепта ГОСТЬ в русской языковой картине мира является смысловой компонент ‘чужой’. Однако ГОСТЬ – это не просто чужой, это представитель «иного мира» – сакральный, мифический или реальный, – вторгающийся в «свое» («наше») пространство, способный повлиять на него – благотворно или губительно. Интенциональным смыслом ритуалов гостеприимства, включающих элемент кормления, угощения (по сути аналогичный жертвоприношению), является превращение «чужого» в «своего», в «гостя». Таким образом, гость – это «освоенный» чужой, чужой, ставший (хотя и временно) «своим». Отношения между гостем и хозяином в русской традиционной культуре носят симметричный характер – отношения ритуального обмена дарами, приветствиями или торгового обмена.

Литература

1. *Агапкина Т.А., Невская Л.Г.* Гость // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. – Т. 1. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 531–533. 2. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67. 3. *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. – Л.: Наука, 1990. 4. *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования – М.: Наука, 1982. 5. *Гринченко Б.Д.* Словарь української мови: В 4 т. – К., 1907–1909. 6. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. В 2 т. – М.: Худож. литература, 1984. 7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1989–1991. 8. *Дзедзельський Й.О.* Програма для збирання матеріалів до лексичного атласу української мови. – К.: Наукова думка, 1987. 9. *Журавлев А.Ф.* Язык и миф: Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». – М.: Индрик, 2005. 10. *Зенкин С.* Гостеприимство: к антропологическому и литературному определению //

НЛО – 2004. – № 65: Модели гостеприимства. 11. *Иванов Вяч. Вс.* Разыскания в области анатолийского языкознания, 1а–2. – Этимология 1971. – М.: Наука, 1973. – С. 298–307. 12. *Левкиевская Е.Е.* Ритуально-магические функции хозяина в восточнославянской традиционной культуре // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. Сост. И.А. Морозов, отв. ред. С.П. Бушкевич. – М.: Лабиринт, 2001. 13. Народные русские легенды А.Н. Афанасьева. – Новосибирск: Наука, 1990. 14. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М., 1986. 15. Словарь русских народных говоров. – Вып. 7. – Л.: Наука, 1972. 16. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т. 1–3. – М., 1893–1912. 17. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1987. 18. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. – В 2 т. – М.: Русский язык, 2002. 19. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. – Вып. 7. – М.: Наука, 1980.

АНОТАЦІЯ

У статті досліджується лінгвістична репрезентація концепту ГІСТЬ як одного з важливих фрагментів російської мовної картини світу. Для аналізу залучаються не тільки мовні факти, але й етнолінгвістичні дані (фольклорні, етнографічні та інші).

SUMMARY

The article is dedicated to the concept GUEST as the one of the most important part of the Russian language picture of the world. The writer investigatases not only linguistic facts but also the folklore and ethnographic data.